

С.Т. Сагитов

РЕАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ

В любых управляемых системах конфликт между субъектом и объектом управления – неизбежность. Другой вопрос – это разрешение конфликта, способ которого в итоге и определяет способность системы к развитию. Взаимодействие между государством и населением в вопросах управления сферой культуры всегда должно предполагать стремление субъектов управления к конструктивному обсуждению проблемы и учет мнений и возможностей каждой из сторон в процессе принятия и реализации решений. Особенно остро этот вопрос встает в период трансформации общественных процессов, которые напрямую отражаются и на смене культурно-духовных ценностей социума.

В статье анализируется трансформация мнения населения о роли государства как социального института политической власти, при проведении культурной политики. Анализ, основанный на результатах проведенного трендового социологического исследования по вопросам развития сферы культуры в 2001–2002 и 2016–2017 годах, выявил, что за 15 лет отношение населения к данному вопросу изменилось. Так, увеличилась доля тех, кто считает, что государство должно формировать художественный и эстетический вкусы населения, при одновременном сокращении респондентов, кто выразил безразличие к проблемам культуры и кто считает, что культура должна развиваться самостоятельно. Вместе с тем приоритетным у населения остается мнение о том, что государство должно проводить культурную политику согласно интересам населения. Более того, доля таковых за эти годы увеличилась и достигла 60 %. В статье также определены и представлены различия в мнениях населения в зависимости от основных социально-демографических показателей.

Ключевые слова: *сфера культуры, культурная политика, государство, интересы населения, формирование эстетических вкусов.*

Постановка проблемы. Культура является объектом исследования многих наук, что объясняется как многогранностью этого феномена, так и тем обстоятельством, что культура, являясь динамичной системой, находится в постоянном развитии. Кроме того, культура вне зависимости от нашего желания, воздействует на жизнь каждого индивида, равно как и сама зависит от результатов деятельности каждой конкретной личности. И это естественно, поскольку со времен появления человека как отдельной биологической особи и «до наших дней все люди живут в мире объектов и понятий, в основном созданных ими самими, и эти понятия, в свою очередь, меняют нашу жизнь» [1, с. 65–66].

Все это обуславливает необходимость постоянного изучения данного социального феномена особенно для нашего социума, который совсем недавно вошел в процесс глубокой трансформации не столько даже политико-экономических

© Сагитов С.Т., 2018

Сагитов Салават Талгатович – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный технический университет», e-mail: sagitov@bashkortostan.ru.

процессов, а в первую очередь культурно-духовных, ментальных ценностей. С изменением политических отношений, кардинальной ломки социальной структуры общества, некоторые духовные ценности нашего общества были одномоментно категорически отвергнуты, другие остались неизменными, третьи трансформировались в соответствии с новыми реалиями. Более того, сами культурно-духовные ценности в иерархии потребностей нашего общества тоже изменили свой статус и приоритетность. Например, если еще 10 лет назад в Республике Башкортостан средний возраст женщины, родившей первого ребенка, был в границах 22–23 лет, то сегодня он составляет 27 лет [2, с. 52]. В целом по России картина аналогичная: очень низкой остается величина суммарного коэффициента рождаемости по первым рождениям (в 2015 году 0,787), при этом доля женщин, родивших хотя бы одного ребенка, в реальных поколениях, завершающих сейчас процесс деторождения, близка к 0,9, что свидетельствует о существенных тайминговых сдвигах [3, с. 46]. И это не удивительно, ибо в сознании молодежи такие непреходящие ценности, как семья и дети, уступили пальму первенства более прозаическим целям – карьере и финансовому благополучию.

Неминуемо коснулись сферы культуры процессы цифровизации и информатизации, определяющие переход к пятой, завершающей стадии развития цивилизации, которая «будет ознаменована господством информационной технологии» [4, с. 63]. В целом духовное богатство человека и общества, содействие культурному сплочению людей, достойному образу жизни и духовное спокойствие, являясь реализацией одного из главных смыслов жизни, в духовно-культурной сфере претерпели значительные изменения [5, с. 12], ибо единство ценностей и норм неминуемо меняется при глобальных изменениях в обществе [6, с. 429], как и оценка их значимости и значения в жизни социума.

Методика исследования. В Республике Башкортостан под руководством профессора Р.Т. Насибуллина и при непосредственном участии автора были проведены идентичные социологические исследования по вопросам развития сферы культуры в 2001–2002 и 2016–2017 годах. По сути, мы можем говорить о едином трендовом исследовании, ибо и программа исследования, и методика были аналогичными. Именно этот факт позволяет анализировать исследуемые явления в динамике с минимальными потерями и получить не только формальные сведения, но и на основе анализа динамики процессов раскрыть характер взаимоотношения между социальными слоями [7, с. 33]. В ходе социологических исследований было опрошено по 1200 человек. В качестве генеральной совокупности выступает население Башкортостана в возрасте от 14 до 65 лет. В процессе определения котируемых признаков (тип поселения, пол, возраст) использовались данные Всероссийских переписей населения 2000 и 2010 годов. С учетом особенностей природно-экономических условий и ресурсов, характера отраслевой структуры и направлений производственной специализации во внутриреспубликанском и межрайонном разделении труда было

осуществлено зональное разделение и выделены 6 зон (Центральная, Южная, Западная, Северо-Западная, Северо-Восточная, Зауралье), с дифференциацией населенных пунктов: город Уфа (более 1 млн жителей), средний город (100–500 тыс. жителей), малый город (10–100 тыс. жителей), районный центр (3–10 тыс. жителей), деревня (менее 3 тыс. жителей) [8, с. 13–28].

Результаты исследования. Многие вопросы по данной тематике были отражены в наших ранних изысканиях. В данной же статье мы более подробно рассмотрим один, но в то же время очень важный, на наш взгляд, вопрос: мнение населения о роли государства при проведении культурной политики и эволюцию во взглядах социума по данной проблематике за последние 15 лет. Отметим, что в соответствии с Основами государственной культурной политики, утвержденными Указом Президента Российской Федерации № 808 от 24 декабря 2014 года под культурной политикой понимаются действия, осуществляемые органами государственной власти Российской Федерации и общественными институтами, направленные на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей [9]. Как можем заметить, органы государственной власти выделены особо, что в принципе неудивительно, ибо и сегодня, в силу определенных исторических обстоятельств, в нашей стране государство является основным регулятором производства, распределения и потребления культурных благ между людьми и социальными группами. И без эффективной государственной культурной политики может сложиться ситуация, например, разобщения, с одной стороны, культуры и частного бизнеса, если последний не в состоянии заработать на ней; с другой, культуры и личности, если творцы не могут обеспечить себе жизнь своими произведениями, и, наконец, культуры со своей историей в случае потери традиций [10, с. 22–23].

Учитывая, что управление имеет двойственную природу: с одной стороны, оно выступает как свойство социальных систем по сохранению и улучшению их качественных характеристик, с другой – это деятельность субъектов управления по оптимизации социальной системы и по удовлетворению потребностей элементов системы [11, с. 128]. Именно это предопределяет в настоящее время роль государства в формировании «повестки дня» – в определении принципов культурной политики, приоритетов ее развития, целей и задач, ввиду неразвитости гражданского общества и небольшом участии других субъектов социально-культурных процессов [12, с. 140]. При этом стоит оговориться, что изначально мы находимся на позиции субъектно-субъектного подхода в социальном управлении – на социальном взаимодействии управляющих и управляемых субъектов [13, с. 16].

Так, в наших исследованиях респондентам был задан вопрос, какую роль они отводят государству в развитии сферы культуры, с 5 возможными вариантами ответов:

1. Государство должно проводить культурную политику согласно интересам населения.
2. Государство должно способствовать формированию художественного, эстетического вкусов населения.
3. Культура должна развиваться сама, без вмешательства в процесс развития.
4. Проблемы культуры мне безразличны.
5. Другое.

В 2001–2002 годах более половины респондентов (56,3 %) выбрали первый вариант ответа; 25,6 % опрошенных считали, что государство должно формировать вкусы населения; мнения, что культура должна развиваться сама, без какого-либо вмешательства, придерживалось 8,8 % респондентов; безразличие к проблемам культуры выказали 8,3 % опрошенных. Менее 1 % респондентов выбрали в начале века вариант ответа «Другое».

Что же изменилось за эти годы?

Первое. Более чем в два раза сократилось количество тех респондентов, кому проблемы развития культуры безразличны: таковых по результатам исследований 2016–2017 годов стало 2,9 %. Также почти на 3 % сократилось доля тех, кто считает, что культура должна развиваться исключительно сама, таковых в настоящее время 5,7 %. Вариант «Другое» выбрали, так же как и ранее, около 1 % респондентов. Тезис о том, что культурная политика должна проводиться государством, по результатам последних исследований также является приоритетным, лидируя с заметным отрывом: почти 60 % опрошенных придерживаются именно этой точки зрения. Примечательно, что за эти годы на 5 % увеличилась доля тех людей, кто считает, что роль государства – формирование художественного и эстетического вкуса населения (30,5 %).

Вместе с тем значительно (почти в два раза) сократилась доля индифферентных к проблемам культурной политики людей (рисунок). В соответствии с результатами опроса 2001–2002 годов, в распределении на этот вопрос существенной роли не играли половая принадлежность респондентов, их семейное положение, место жительства. Основные различия наблюдались у людей разного возраста, с разным уровнем образования, разным социальным положением и уровнем дохода.

Второе. Результаты второго исследования показали, что практически каждая дихотомия (в отличие от исследований 2001–2002 годов) имеет значение при выборе ответов респондентами. Конечно же, общие тенденции характерны для любой выделенной нами совокупности, однако процентные доли разнятся во многих случаях, причем в основном между двумя первыми ответами: проведение культурной политики согласно интересам населения и формирование эстетического вкуса государством.

Так, анализ по гендерному признаку показывает, что среди мужчин почти 2/3 респондентов (63 %) придерживается основной точки зрения, тогда как

у женщин доля таковых не превышает 57 %. В то же время более 8 процентных пунктов разделяет женщин и мужчин в выборе варианта о необходимости государством формирования вкусов населения: более трети женщин (34 %) против четверти мужчин (25,7 %). Думается, что в данном случае говорит за себя «материнский инстинкт» – бессознательная поддержка материнского поведения и материнской заботливости, выражающийся во врожденной готовности матери ухаживать и защищать своих детей.

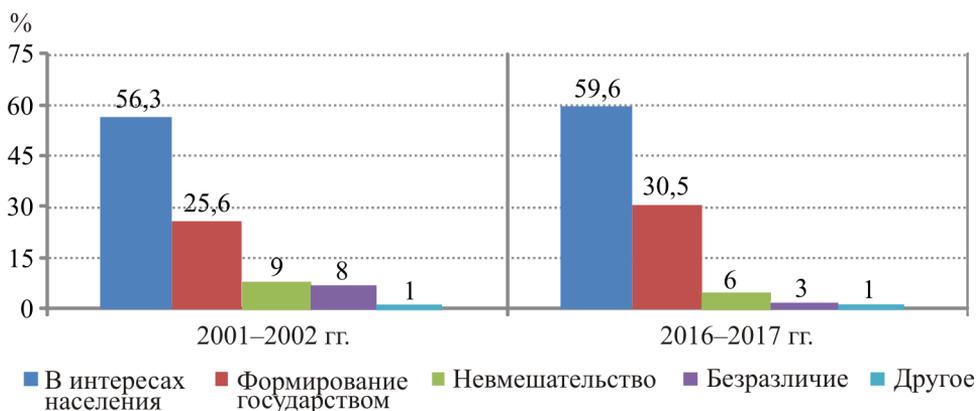

Рис. Мнение респондентов о культурной политике государства (% от числа опрошенных). Источник: расчеты автора

Семейное положение респондентов также влияет на их выбор роли государства в проведении культурной политики. Особо четко проявляется семейное положение в выборе ответа «Проблемы культуры мне безразличны»: доля людей, состоящих в браке или разведенных, в два раза меньше общего показателя и составляет около 1,5 %; у вдовцов (вдов) данный показатель 2,4 %; процент респондентов, ведущих совместную жизнь без регистрации брака, которых проблемы культуры не волнуют составляет 2,8 %; максимальная же доля безразличных к вопросам культуры среди тех людей, которые никогда не состояли в браке, – 7,9 %, что объясняется большим количеством молодежи среди них (*это коррелируется и с возрастом респондентов, о чем подробнее будет описано ниже*).

Также максимальный показатель у респондентов, никогда не состоявших в браке, по отношению к другим группам и в выборе варианта о необходимости проведения культурной политики согласно интересам населения – более 75 % (!). По-видимому, в данном случае мы имеем дело с юношеским максимализмом, присущим данной категории респондентов, умноженной на то, что молодежь часто полагает, что они никому ничего не должны. Среди тех, кто состоит в зарегистрированном браке, доля отдающих пальму первенства интересам населения равна общему показателю (59,4 %); показатель у остальных групп

находится в пределах 53 %. Кстати, ответы лиц, находящихся в браке, в целом совпадают с обобщенными показателями по выборке, что проявляется и в доле ответов, в которых государству отводится функция по формированию художественного вкуса населения (32,4 %). Результаты исследований позволяют сделать вывод о том, что лица, которые ведут совместную жизнь без заключения брака, в принципе к определяющей роли государства в организации жизни социума относятся с определенным скепсисом, и в данном конкретном случае показатель в два раза меньше (16 %). У тех же, кто не состоял в браке в принципе, данный показатель составляет 27 %, что, конечно, больше, чем у лиц, проживающих без регистрации брака, но меньше, чем у всех других групп населения.

Таким образом, можем говорить о том, что семейное положение респондентов влияет на их взгляды о функциях государства в проведении культурной политики: люди, не состоявшие в зарегистрированном браке, в значительно большей степени индифферентны к проблемам культуры, как таковым, одновременно разрыв между вариантами «интересы населения» и «формирование государством вкусов» достигает 60 процентных пунктов, при средних 30.

Что касается места проживания респондентов (город/село), то анализ результатов исследований позволяет сделать следующие выводы. В сельской местности гораздо меньше вариантов организации культурного досуга, что выражается в преобладающей точке зрения селян о необходимости учета ориентира на мнение общества: 66 % против 55 % у горожан. В настоящее время участие негосударственного сектора в организации культурно-духовной жизни на селе минимально, в отличие от городской среды. Данное обстоятельство, по сути дела, отождествляет у сельского населения всю культурную политику с государственной. Так, если 8 % горожан считают, что культура должна развиваться сама, без какого-либо вмешательства, то среди селян доля таковых всего 3 %. Иначе говоря, если вопросы развития культуры поставить на самотек, то ее проявления в сельской местности, заметно сократившиеся за последние десятилетия, могут исчезнуть целиком. Люди наглядно видят и на себе ощущают результаты оптимизации: закрытия сельских домов культуры (если не закрытия, то значительного сокращения концертной деятельности), оставшихся еще в XX веке библиотек с их ежегодно устаревающим фондом и далеко не современным оборудованием, а главное – подходом к организации библиотечного дела, что наряду с развитием интернета и с его постоянным увеличением значения в жизни населения не популяризирует не только библиотеки, но и чтение, как таковое и т.п. Ведь качество жизни каждого человека зависит от информационной среды, в которой он находится [14, с. 5]. Как верно было подмечено М. Швыдким, в настоящее время «слово “оптимизация” в русском языке имеет весьма зловещее значение, нередко это всего лишь синоним реорганизации или ликвидации. К тому же, за это время было сделано то, чего не могли или не хотели сделать большевики, в Российской Федерации, в отличие

от СССР, культура стала частью социальной сферы, а результаты ее деятельности превратились в услуги населению, заняв место в ряду услуг СПА и погребальных бюро» [15]. Именно создавшаяся ситуация, на наш взгляд, и является результатом того, что лишь четверть сельского населения считает, что государство должно формировать художественные вкусы населения (у городских жителей этот вариант ответа выбрала почти треть опрошенных). Таким образом, если еще в начале века разница в ответах в разрезе «село – город» была не столь существенной, то большой технологический рывок в сфере культуры, который «очень сильно изменил возможности человека для получения, передачи и хранения информации», информатизация, модернизация отрасли, проведенная в первую очередь в городах и не дошедшая толком до сельской местности, обеспечили достаточно большую разницу в ответах респондентов в зависимости от их места жительства [16, с. 122].

Третье. Также претерпела изменения и конфигурация результатов в разрезе факторов, где в 2001–2002 годах наблюдалась четкая прямая зависимость. Так, согласно результатам исследований 2001–2002 годов наблюдалась четкая прямая зависимость по всем вариантам ответов от возраста респондентов: доля респондентов, считающих, что государство должно проводить культурную политику согласно интересам населения, возрастала с увеличением возраста опрошенных граждан с 50 % в возрасте до 30 лет до 63 % у респондентов старшего возраста. Доля лиц старше 50 лет, которые считали, что государство должно формировать художественные вкусы населения было минимальным, – 24 %, у среднего поколения – свыше 25 %, а среди молодежи – 28 %. Чем старше были респонденты, тем уменьшалась доля тех, кто считал, что культура может развиваться сама (с 11 % у молодого поколения до 6 % у старшего) [17, с. 142–143].

Результаты же исследований 2016–2017 годов показывают совершенно иную зависимость: если по каждому варианту ответов старшее поколение по отношению к молодому находится в такой же позиции, то среднее поколение явно выбивается из всех трендов, тогда как в первом исследовании среднее поколение, оправдывая свое название, всегда было посередине между ответами старших и младших. Так, например, среди молодежи, так же как и 15 лет назад, больше доля тех, кто считает, что культура должна развиваться сама, нежели среди старшего поколения (5,6 и 4,5 % соответственно). Но если в первом исследовании среднее поколение было, как мы уже отметили, посередине, то в последних исследованиях 6,7 % представителей среднего поколения считают, что культура способна только к саморазвитию. Интересно, именно среднее поколение респондентов в большей степени считает, что государство должно формировать художественный и эстетические вкусы населения – более 35 %, тогда как у молодежи этот показатель более четверти, а у старшего поколения чуть меньше 24 %. Также среднее поколение «выпадает» и из тренда, что культурная

политика должна проводиться в интересах населения: всего 55,2 % представителей среднего поколения придерживаются этой точки зрения.

Общий же вывод, который мы можем сделать после сопоставления результатов двух исследований, говорит о том, что среди молодого поколения значительно (на 15 %) возросла доля тех, кто отдает предпочтение мнению населения в формировании культурной политики государства. Кстати, как показывают исследования других авторов, молодежь готова поддержать органы государственной власти, несмотря на некоторые недостатки в деятельности управленцев [18, с. 85]. Среди старшего поколения результаты особо не поменялись и находятся в пределах ошибки выборки. Среди же представителей среднего поколения на 10 % увеличилась доля тех, кто считает, что государство должно формировать вкусы населения. Возможно, последнее связано с тем, что сегодня среднее поколение представляют те, кто 15 лет назад считался молодым, и чья первичная социализация во многом пришлась на время социальной аномии и навязывания так называемых «демократических» ценностей, которые во многом чужды нашему менталитету. И повзрослев, представители нынешнего среднего поколения осознали необходимость и государственной идеологии, неотъемлемым элементом которой является и политика в культурно-духовной сфере.

Несмотря на то, что прошло достаточно много времени между двумя исследованиями, сохранилась следующая зависимость: чем выше уровень образования респондентов, тем большая роль в ответах отводится государству в проведении культурной политики. Однако, если в исследованиях 2001–2002 годов максимальный показатель поддержки позиции первичности государства в формировании мнения населения составлял 33 % респондентов с высшим образованием, то по итогам исследования 2016–2017 годов он увеличился у той же категории до 40 %, при этом у лиц со средним образованием он остался неизменным (23 %), а среди лиц с образованием ниже среднего упал на 4 процентных пункта и составил 11 %. Если среди респондентов со средним и выше образованием незначительно, но уменьшилась (на 2–3 %) доля тех, кто считает, что культура способна развиваться сама, то тенденция у лиц без среднего образования противоположная – увеличение на 2 процентных пункта. Что кардинально отличает результаты двух исследований, так это то, что среди лиц с образованием ниже среднего был 21,5 % тех, кого вопросы культуры не интересовали вообще; сегодня же доля таковых около 1,5 %. Это, безусловно, радует. Кроме того, если взглянуть на ответы вариантов «мнение населения» и «формирование вкусов государством», то наблюдается достаточно интересная картина. Так, у лиц с образованием ниже среднего этот показатель увеличился с 30 процентных пунктов до 67, в первую очередь из-за сокращения «равнодушных» респондентов. У лиц со средним образованием произошло увеличение на 10 процентных пункта до 45, что стало возможным благодаря увеличению на те же 10 % тех, кто отдает «пальму первенства» в принятии решений мнению населения

(процент тех, кто считает, что первичность у государства осталась прежним – 23 %). Ну и, наконец произошло сокращение на 10 процентных пунктов указанной разницы у лиц с высшим образованием. При этом, в обоих исследованиях доля респондентов с высшим образованием, считающих, что первичная роль в проведении культурной политики должна принадлежать населению, составляет половину, но на 7 % возросла за эти годы доля считающих, что эта роль должна принадлежать государству (с 33 до 40 %).

Вместо заключения. Гете говорил, что цифры не управляют миром, но показывают, как мир управляется. Результаты исследований говорят о том, что понимание необходимости государственного регулирования (не в полной мере, конечно) возрастает и осознание этой проблемы есть у достаточно большого количества россиян. Согласно результатам социологического исследования, проведенного Фондом развития гражданского общества, при сопоставлении интересов отдельного человека и государства почти половина респондентов (47,4 %) говорит о паритете личностных и государственных интересов; 22,1 % – о первичности интересов личности и четверть опрошенных (24,9 %) признает приоритет интересов государства перед интересами отдельного человека [19]. Анализ результатов проведенных нами исследований еще раз возвращает к мысли, что в обществе в целом возрастает понимание значимости, возможно, даже необходимости государственной идеологии, в рамках которой культура является одной из важнейших составляющих накопленного национального человеческого капитала [20, с. 15], одним из определяющих ее звеньев.

Список литературы

1. William E. Thompson, Joseph V. Hickey. Society in Focus: An Introduction of Sociology. – N.Y., 1994. – 650 с.
2. Демографические показатели муниципальных образований Республики Башкортостан: стат. сб. – Уфа: Башкортостанстат, 2017. – 183 с.
3. Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки / В.А. Архангельский, Ю.В. Зинькина, А.В. Коротаев, С.Г. Шульгин // Социологические исследования. – 2017. – № 3. – С. 43–50.
4. Осипов Г.В. Возрождение социологической науки в России – М.: Экономическое образование, 2012. – 376 с.
5. Тощенко Ж.Т. Смысл жизни: опыт анализа с позиции социологии жизни // Социологические исследования. – 2016. – № 11. – С. 3–14.
6. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. – М., 1992. – 543 с.
7. Мальцева А.В., Шилкина Н.Е., Махныткина О.В. Об эмпирических индикаторах социальной структуры и социальной стратификации // Социологические исследования. – 2016. – № 10. – С. 33–42.
8. Исянбаев М.Н. Экономические подрайоны Республики Башкортостан: проблемы формирования и развития: учеб. пособие. – Уфа, 1995. – 184 с.

9. Основы государственной культурной политики [Электронный ресурс]. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf> (дата обращения: 17.07.2015).
10. Смирнов Г.А. Государственная культурная политика как проблема теории и практического действия // *Культура региона: состояние, проблемы, перспективы: материалы науч.-практ. конф.* – М., 1997. – С. 55–58.
11. Насибуллин Р.Т., Кунгурцева Г.Ф. Интеллектуальный потенциал управления процессами развития постсоветского социального пространства // *Право и государство: теория и практика.* – 2011. – № 4. – С. 127–131.
12. Тартыгашева Г.В., Цыбиков Т.Г. Проектирование регионального социокультурного пространства в Республике Бурятия // *Социологические исследования.* – 2018. – № 4. – С. 138–144.
13. Сагитов С.Т. О принципах государственной культурной политики // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки.* – 2016. – № 3. – С. 15–27.
14. Адамьянц Т.З. Социальные коммуникации: учеб. пособие. – М.: Дрофа, 2009. – 204 с.
15. Швыдкой М.Е. Чем измерить культуру [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2017/10/10/mihail-shvydkoj-o-tom-pochemu-nelzia-ekonomit-na-kulture.html> (дата обращения: 10.10.2017).
16. Стегний В.Н. Новые явления в становлении культуры информационного общества // *Культура в информационно-инновационном обществе: моногр.* – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2017. – С. 117–150.
17. Сагитов С.Т. Социальные проблемы управления сферой культуры. – М.: Изд-во РАГС, 2002. – 164 с.
18. Тишков В.А., Баран Р.Э., Степанов В.В. Идентичность и жизненные стратегии студенчества в России // *Социологические исследования.* – 2017. – № 8. – С. 81–87.
19. Фонд развития гражданского общества [Электронный ресурс]. – URL: <http://civilfund.ru/mat/view/55> (дата обращения: 14.11.2016).
20. Каверина Н.А. Культура – важнейший фактор развития человеческого капитала // *Демографический журнал.* – 2018. – № 6. – С. 14–19.

References

1. Thompson W., Hickey J. *Society in focus: An introduction of sociology.* New York, 1994, 650 p.
2. *Demograficheskie pokazateli munitsipal'nykh obrazovaniy Respubliki Bashkortostan: statisticheskii sbornik [Demographic indicators of municipalities of the Republic of Bashkortostan: statistical handbook].* Ufa, Bashkortostanstat, 2017, 183 p.
3. Arkhangel'skii V.A., Zin'kina Iu.V., Korotaev A.V., Shul'gin S.G. *Sovremennye tendentsii rozhdaemosti v Rossii i vliianie mer gosudarstvennoi*

podderzhki [Modern fertility trends and the impact of the pro-natalist policies]. *Sociological Studies*, 2017, no. 3, pp. 3–12.

4. Osipov G.V. *Vozrozhdenie sotsiologicheskoi nauki v Rossii* [The revival of sociological science in Russia]. Moscow, Ekonomicheskoe obrazovanie, 2012, 376 p.

5. Toshchenko Zh.T. *Smysl zhizni: opyt analiza s pozitsii sotsiologii zhizni* [Meaning of life: an analysis from positions of sociology of life]. *Sociological Studies*, 2016, no. 11, pp. 3–14.

6. Sorokin P.A. *Chelovek. Tsivilizatsiia. Obschestvo* [Man, civilization, society]. Moscow, 1992, 543 p.

7. Mal'tseva A.V., Shilkina N.E., Makhnytkina O.V. *Ob empiricheskikh indikatorakh sotsial'noi struktury i sotsial'noi stratifikatsii* [Social structure and social stratification of society: empirical indicators]. *Sociological Studies*, 2016, no. 10, pp. 33–42.

8. Isianbaev M.N. *Ekonomicheskie podraiony Respubliki Bashkortostan: problemy formirovaniia i razvitiia* [Economic subareas of the republic of Bashkortostan: problems of formation and development]. Ufa, 1995, 184 p.

9. *Osnovy gosudarstvennoi kul'turnoi politiki* [Basis of state cultural policy], available at: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf> (accessed 17 July 2015).

10. Smirnov G.A. *Gosudarstvennaia kul'turnaia politika kak problema teorii i prakticheskogo deistviia* [State cultural policy as a problem of theory and practical action]. *Kul'tura regiona: sostoianie, problemy, perspektivy: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Moscow, 1997.

11. Nasibullin R.T., Kungurtseva G.F. *Intellektual'nyi potentsial upravleniia protsessami razvitiia postsovetskogo sotsial'nogo prostranstva* [Intellectual potential management of post-Soviet social space development processes]. *Law and State: the Theory and Practice*, 2011, no. 4, pp. 127–131.

12. Tartygasheva G.V., Tsybikov T.G. *Proektirovanie regional'nogo sotsio-kul'turnogo prostranstva v Respublike Buriatiia* [Designing regional socio-cultural space in the Republic of Buryatia]. *Sociological Studies*, 2018, no. 4, pp. 138–144.

13. Sagitov S.T. *O printsipakh gosudarstvennoi kul'turnoi politiki* [On the principles of state cultural policy]. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 2016, no. 3, pp. 5–27.

14. Adam'iants T.Z. *Sotsial'nye kommunikatsii* [Social Communications]. Moscow, 2009, 204 p.

15. Shvydkoi M.E. *Chem izmerit' kul'turu* [How to measure culture], available at: <https://rg.ru/2017/10/10/mihail-shvydkoj-o-tom-pochemu-nelzia-ekonomit-na-kulture.html> (accessed 10 October 2017).

16. Stegnii V.N. *Novye iavleniia v stanovlenii kul'tury informatsionnogo obshchestva* [New phenomena in the culture of the information society]. *Kul'tura v informatsionno-innovatsionnom obshchestve*. Perm, Perm National Research Polytechnic University, 270, 470 p.

17. Sagitov S.T. Sotsial'nye problemy upravleniia sferei kul'tury [Social problems of culture management]. Moscow, Russian Academy of Public Administration, 2002, 164 p.

18. Tishkov V.A., Baran R.E., Stepanov V.V. Identichnost' i zhiznennye strategii studenchestva v Rossii [Students' identity and life vital strategies in Russia]. *Sociological Studies*, 2017, no. 8, pp. 81–87.

19. Fond razvitiia grazhdanskogo obshchestva [Civil society development foundation], available at: <http://civilfund.ru/mat/view/55> (accessed 14 November 2016).

20. Kaverina N.A. Kul'tura – vazhneishii faktor razvitiia chelovecheskogo kapitala [Culture is the most important factor in the development of human capital]. *Demograficheskii zhurnal*, 2018, no. 6, pp. 14–19.

Оригинальность 84 %

Получено 02.03.2018 Принято 02.04.2018 Опубликовано 28.09.2018

S.T. Sagitov

IMPLEMENTATION OF THE CULTURAL POLICY OF THE STATE: TRANSFORMATION OF OPINIONS

The conflict between the subject and the object of regulation is inevitable in any regulatory system. Yet, another issue is resolution of this conflict, the method of which eventually determining the ability of the system to progress. The interaction between the state and the society on cultural, ethical and religious regulation questions must always assume the striving of subjects of regulation (for we are in the position of subject–subject regulation) for a constructive discussion of the problem and taking into account opinions and options of each of the parties in the decision-making process. This issue is especially relevant in the period of transformation of social processes that directly affect the change in cultural and spiritual values of society.

The paper analyzes the public opinion on the role of the state as a social institution of political power in implementing the cultural policy. The analysis is based on the results of the sociological trend study of culture development in 2001–2002 and 2016–2017, which allows tracking the evolution and transformation of the public opinion over the last 15 years. For instance, a share of those who believe that the state should shape the artistic and aesthetic tastes of population increased, while the number of respondents who expressed indifference to problems of culture and believe that culture should develop independently, reduced. At the same time, the view that the state should conduct a cultural policy in accordance with interests of population remains the public's priority. Moreover, the share of them has increased over the years and reached 60%. The article also identifies and presents differences in opinions of population, depending on the main socio-demographic indicators.

Keywords: *sphere of culture, cultural policy, state, public interest, aesthetic sense development.*

Salavat T. Sagitov – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Social technologies, Ufa State Aviation Technical University, e-mail: sagitov@bashkortostan.ru.

Received 02.03.2018 Accepted 02.04.2018 Published 28.09.2018